

Глава первая

Не бывает хороших или плохих денег.
Есть только деньги.

— Лаки Лучиано* —

Лонг-Айленд, Нью-Йорк

Елена

Наш дом представлял из себя живописную картину. Красная входная дверь с позолоченным молотком. Полы в черно-белую клетку. Сияющая лаковым покрытием деревянная лестница и сверкающая люстра. Несмотря на показную красоту, мне всегда было интересно: а если я потяну за уголок обоев... потечет ли из-за них красная кровь? Если бы всех в мире было видно насквозь, то кровь в этом доме с тихими шлепками собиралась бы в лужи на мраморных полах.

Я отрешенно смотрела телевизор в углу кухни и почти не прислушивалась к голосу ведущей, пока с ее алых губ не сорвалось слово «убийство» и не прогремело эхом в моей голове. В горле встал болезненный комок, и я нервно покрутила кольцо на среднем пальце.

* Знаменитый американский мафиози, уроженец Италии (1897–1962). (Все примечания без пометы о том, чьи они, принадлежат редактору. Все переводы цитат и высказываний без пометы о том, чьи они, принадлежат переводчику.)

Хотя и дом, и вся моя жизнь всегда были построены на горах грязных денег, раньше я могла сказать, мол, лично я к этому непричастна. Но в нынешнем году все изменилось. Теперь на моих руках — кровь, и чувство вины преследовало меня во снах.

Слуги шныряли в кухню и обратно, сервируя стол на террасе для обеда, и каждый раз, когда дверь открывалась, до меня доносились голоса.

Заливистый женский смех, оживленная речь кузена Бенито и голос, показавшийся смутно знакомым еще утром, когда я покидала церковь. Низкий, бархатистый и безразличный. У меня от него шевелились волосы на затылке — я знала, что он принадлежал будущему мужу моей сестры.

Отчасти из-за жениха сестры (нет, скорее, сто процентно) я и пряталась на кухне, хотя никому бы не призналась в собственной слабости.

— Ты слишком красивая, чтобы хмуриться, Милашка Абелли. — Мать вошла в кухню, впустив сюда какофонию звуков разговоров гостей в холле.

Я поежилась под весом ее слов. По очевидным причинам мне уже давно не приходилось слышать детское прозвище. Я его немного переросла, особенно когда поняла, что милой меня считали по совершенно неправильным причинам: на меня было приятно смотреть, я молчала, когда следовало, и всегда вежливо отвечала. Я застряла в ожиданиях этого мира, как в тесном платье, оказавшемся не по размеру. Годами я чувствовала себя красивой птичкой в клетке, пока однажды такая жизнь не стала абсолютно невыносимой... И тогда я сбежала.

— Не понимаю, зачем ты это смотришь, Елена, — сказала мама, помешивая стоявший на плите соус в кастрюльке. — Телевизионная чушь только в депрессию вгоняет.

Мама была женой Сальватора Абелли — известного босса одного из самых крупных криминальных

синдикатов Соединенных Штатов. Иногда я не могла понять, была ли ее наивность просто отрицанием или же ей и правда интереснее смотреть «Дни нашей жизни»*, нежели волноваться о делах моего отца.

— Я не знаю, за кого голосовать на выборах, — рассеянно ответила я.

Она недоуменно покачала головой, и я подумала, что, пожалуй, для дочери мафиози и впрямь странно обращать внимание на государственные условности.

— Папá тобой недоволен, — сказала она, глядя на меня из-под темных ресниц и поджав губы, что всегда означало: у меня проблемы.

— Когда папá вообще был мной доволен в последнее время?

— А чего ты ожидала после того, что натворила?

Прошло уже шесть месяцев, но я могла поклясться: мать поднимала эту тему каждый божий день. Похоже, она радовалась моей ошибке, как собака, которой бросили косточку — ведь у нее наконец-то появилось, за что отчитывать дочь.

— Почему ты не подошла познакомиться с Руссо сегодня после службы? — Она ткнула в мою сторону ложкой. — И не говори, что забыла и просто ждала в машине, все равно не поверю.

Я скрестила руки на груди.

— Я не хотела. Он... грубый.

— Елена, — укоризненно сказала она. — Ты его даже не знаешь.

— Совершенно не обязательно встречать кого-то с подобной репутацией лично, чтобы оценить его характер, мама.

— *Oh Madonna, salvami***, — пробормотала она.

* Days of Our Lives (англ.) — американский сериал, идущий на канале NBC с 1965 года по настоящее время; среди режиссеров — Грант Джонсон, Рэнди Роббинс — (Прим. пер.)

** О Мадонна, спаси меня. (итал.).

— И Адриану он не поймет, — подытожила я. Мама фыркнула.

— Немногие поймут твою сестру, *figlia mia**.

Садовник понимал... Но маме я ничего говорить не собиралась, иначе к концу дня бедняга бы уже очутился на дне Гудзона.

В начале прошлой недели папá объявил, что Адриана станет женой Николаса Руссо, донна одной из пяти мафиозных семей Нью-Йорка. Мой проступок до сих пор являлся болезненной темой, но эта новость и вовсе вскрыла старые раны.

Я была старшей сестрой, следовательно, в мои обязанности входило выйти замуж первой. Но, совершив ошибку, я подставила сестру — и отправила ее в лапы мужчины с *репутацией*. Всем известно, что, если в нашем мире у кого-то есть определенная репутация, от такого человека нужно держаться подальше.

— К тому же Нико идеальный джентльмен. Ты бы сама это узнала, если бы познакомилась с ним сегодня утром после службы, как планировалось.

Утром я сразу же метнулась от дверей церкви к машине, только чтобы избежать вынужденной встречи с будущим мужем сестры. Для отца я — изгой, поэтому меня удивило, что он вообще заметил мое отсутствие. Кроме того, я была уверена, что джентльменский образ Николаса Руссо — несовершенный обман.

Отец Николаса умер пять лет назад, и с тех пор двадцатипятилетний дон, самый молодой из находящихся у власти, стал известной фигурой в криминальном мире. Как и отец, он был жуликом, на его руках — больше крови, чем у всех заключенных тюрем Нью-Йорка вместе взятых, а в нем самом нет ни грамма сожаления. По крайней мере, так я предполагала. Если бы он чувствовал какую-либо

* Дочка. (итал.).

вину, то телеведущая не сообщала бы каждое утро в течение года о новых жертвах из рода Занетти — семьи, на которую Николас держал зуб за смерть отца. Если вам интересно мое мнение, то ему с таким характером прямая дорога в ад.

— Я уже встречалась с ним, мама.

Она вскинула бровь.

— Правда?

— Ну... нет.

Ее лицо помрачнело.

— Но мы обменялись взглядами, — настояла я. — И этого оказалось достаточно, чтобы понять: Адриане он совершенно не подходит.

Мама закатила глаза.

— *Ridicolo**.

Обменяться взглядами и враждебно уставиться — это ведь одно и то же... верно? Честно говоря, все было чистейшей случайностью. Я спускалась по ступенькам церкви и обнаружила семейное собрание, к которому должна была присоединиться. Папа и мама стояли по обе стороны от Адрианы, а напротив находился Николас Руссо. Так в нашем мире обычно впервые встречаются жених и невеста. Браки по расчету — обычное дело для *Коза ностра*.

Раздраженная происходящим, я неодобрительно прищурилась и одновременно посмотрела на будущего мужа сестры, который всюду глазел на меня. Вот таким образом и получился пресловутый враждебный взгляд. Повторяю, по совершенной случайности. Но показать обратное я уже не смогла — если бы улыбнулась, вышло бы в лучшем случае снисходительно, поэтому я... продолжила прожигать Руссо взглядом и понадеялась, что меня не убьют.

Взгляд Николаса похолодел и стал недовольным, но спустя секунду напряженной игры в гляделки он

* Смешно, нелепо. (итал.).

повернулся к моему отцу, будто я была невзрачным пролетающим мимо листочком. Выдохнув, я решила спрятаться в машине. Ни при каких обстоятельствах я не собиралась пересекаться с молодым мафиози после такого провала. Лучше избегать дона до конца дней.

— Хватит беспокоиться, просто доверься отцу.

Я издала задумчивое мычание, поскольку до меня донеслась реплика Бенито о пользе будущего брачного союза для взаимного сотрудничества по какому-то оружейному договору. Сестра была пешкой в очередном крупном торговом соглашении, только и всего. Как романтично. Впрочем, мы всегда знали, что этот день настанет. Я никогда не надеялась на брак по любви, как и Адриана.

Одна проблема: сестра была уверена, что уже полюбила.

Садовника.

— Елена, узнай, готова ли Адриана к обеду.

— Вчера вечером она сказала, что не спустится.

— Спустится! — огрызнулась мама и пробормотала что-то на итальянском.

Я неохотно отлипла от стола и вышла из кухни. Голос телеведущей нагнал меня в дверях, снова обронив слово «убийство», что смахивало на явное предостережение.

Из старинного проигрывателя звучала песня «Вечером в Риме»*. Я направилась к лестнице, попутно окинув взглядом людей в холле. Среди прочих были — папá, сестра моего отца, ее муж, несколько кузенов и брат Тони, сверлящий взглядом Николаса.

Кстати, Тони стоял в стороне, прислонившись к стене и спрятав руки в карманах черного костюма.

* On an Evening in Roma (англ.) или *Notte'er celo de Roma* (итал.) — песня, которую исполнил американский певец и актер итальянского происхождения Дин Мартин (1917–1995). Авторы композиции — Алессандро Таккани, Нан Фредерикс, Умберто Бертини; песня выпущена в 1959 году — (Прим. пер.)

Его девушка не была итальянкой, поэтому ее редко приглашали. Маме она не нравилась лишь потому, что встречалась с ее сыном.

Я любила брата, но он оказался импульсивным, безрассудным и жил по принципу: «Если мне кто-то не нравится, я пуцу в него гребаную пулю». И, вероятно, теперь у него чесались руки пристрелить Николаса Руссо. В прошлом эти двое уже пересекались, и стычка не закончилась ничем хорошим.

Взгляд зацепился за впечатляющую молодую женщину с... интересным стилем. Она стояла рядом с мужчиной, которого я считала ее дедушкой ровно до тех пор, пока он не схватил ее за зад. Она поджала губы, как будто все это досадная помеха.

На ней была накидка из норки (*в июле!*), легкое платье оливкового цвета и сапоги-ботфорты до бедра. Длинные темные волосы ниспадали на плечи плавными волнами, а накладные ресницы и крупные серьги-кольца делали ее похожей на ходячую рекламу семидесятых. Для окончательного завершения образа она надула и лопнула пузырь из розовой жвачки и неодобрительно покосилась на меня, словно мой стиль опоздал на четыре десятка лет. Если где-то и когда-то и сталкивались полные противоположности, то это точно были мы с ней.

Я положила руку на перила и почти вышла на финишную прямую, практически достигнув цели, когда за моей спиной раздался голос отца:

— Елена, подойди сюда.

Желудок ухнул куда-то вниз, и я закрыла глаза, признавая поражение. Я замешкалась, но всего на секунду: этому голосу не возражали.

По дороге к отцу, стоящему рядом с Николасом, у меня вспотели ладони. Когда я приблизилась, папá взял меня под руку и улыбнулся, однако улыбка не отразилась в его глазах.

Папа выглядел лет на десять младше своих пятидесяти пяти и мог «похвастаться» лишь несколькими седыми прядями в черных волосах. Он всегда облачался в костюмы, на которых вы не смогли бы найти ни единой складки, но образ джентльмена был лишь фасадом. Когда мне исполнилось семь лет, я воочию видела, как именно он заработал свою репутацию (я наблюдала за разборкой через приоткрытую дверь его кабинета).

— Елена, это Николас Руссо. Нико, это Елена, моя старшая дочь.

Я разыгрывала подобный спектакль уже сотни раз, в разные дни, с разными мужчинами, но сейчас воздух застрял в горле, словно, если я подниму глаза, меня столкнут с доски в кишашую акулами морскую воду. «Он просто человек», — напомнила я себе.

Человек с наихудшей репутацией во всем Нью-Йорке.

«И зачем я на него тогда уставилась?»

Сделав глубокий вдох для храбрости, я все же приподняла голову, чтобы разглядеть жениха сестры. По позвоночнику пробежала горячая волна, когда я встретилась с тяжелым взглядом Николаса. Светло-карие глаза цвета виски со льдом и плотные, темные ресницы. Они придавали ему хмурое выражение, будто он щурился на солнце, а на меня этот молодой мужчина смотрел так, словно ему представили кого-то из слуг, а не сестру будущей жены.

Я на несколько сантиметров выше Адрианы и не расстаюсь с каблуками на людях, но даже так я не доставала макушкой до подбородка Руссо. Мне очень сильно захотелось отвести взгляд и сфокусироваться на черном галстуке на уровне моих глаз, но казалось, что если я отвернусь, то проиграю. И я выдержала взгляд дона.

Мой тон был вежлив, как и всегда.

— Приятно...

— Мы уже знакомы.

«Мы... что?»

Безразличный голос Николааса буквально пробежал по моей спине, вызывая странную дрожь. Он толком еще ничего не сказал, а мне почудилось, что я стою на территории Руссо, а вовсе не Абелли. Как будто все пространство вокруг него автоматически принадлежало семье Руссо, где бы он ни находился.

Папá нахмурился.

— И где вы успели познакомиться?

Я с трудом слотнула.

Во взгляде Николааса заиграло что-то опасное и веселое одновременно.

— Сегодня в церкви. Помнишь, Елена?

Сердце захолонуло. Почему мое имя на его языке звучало так, словно Николаас действительно давно со мной знаком?

Папá напрягся, и я сразу сообразила, почему: из-за развязного тона он подумал, что я с этим мужчиной занималась чем-то непристойным. Кровь бросилась в лицо. Одна ошибка, совершенная полгода назад, и теперь отец думает, что я подкатываю к жениху родной сестры?

Я заморгала в негодовании. И это — за краткий, не столь уж и враждебный взгляд? Николаас нащупал мою слабость и открыто издевался надо мной.

В груди зашевелилось недовольство. Не согласиться с доном, которому отец наверняка верит больше, чем мне, значило лишь усугубить ситуацию.

В итоге я ответила максимально непринужденно.

— Да, папá, мы пересекались. Я забыла куртку в церкви и столкнулась с Николаасом. — Я слишком поздно поняла, что сглупила: на дворе стоял июль. На службе на мне не было никакой куртки. И Николаас, конечно, оказался в курсе.

Он вытащил руку из кармана и провел пальцем по нижней губе, слегка покачав головой, дескать, он впечатлен, что я ему подыграла, но чуть разочарован, что я сделала это настолько плохо.

Мне он не нравился. Совершенно.

По венам пробежал холодок, пока отец неуверенно переводил взгляд с Николаса на меня и обратно.

— Хорошо, — наконец сказал папá, похлопав меня по руке. — Тогда все в порядке. Я уверен, у Нико есть к тебе вопросы касательно Адрианы. Ты знаешь сестру лучше всех.

Мои легкие вспомнили, как дышать, и я глубоко вздохнула.

— Да, папá. — *«Я бы лучше земли наелась».*

Входная дверь распахнулась: в дом вошел брат моей мамы и советник отца, Марко, в сопровождении жены. Папá попрощался с нами и отошел их поприветствовать, оставив меня наедине с женщиной, чье присутствие начинало меня почти физически обжигать.

Он смотрел на меня сверху вниз.

Я смотрела на него снизу вверх.

Уголок губ Николаса дернулся, и я осознала, что забавляю его. Щеки побагровели от возмущения. Раньше я бы пробормотала что-нибудь милое и удалилась, но это было *раньше*.

Теперь же я никак не могла сохранять вежливую мину, глядя в глаза Николаса или Нико, — без разницы.

— Мы *не* знакомы, — твердо сказала я.

Он надменно вскинул бровь.

— Уверена? А мне казалось, ты уже успела все обо мне понять.

Сердце забилося столь быстро, что мне стало страшно за собственное здоровье. Я не представляла, что ответить: ведь он был прав. Тем не менее диалог никаким образом не опровергал ни одну из моих догадок.

Николас равнодушно разгладил галстук на груди.

— Сказать, что бывает с теми, кто болтает о других слишком много компрометирующего?

— Их убивают? — выдохнула я.

Взгляд Николаса скользнул по моим губам.

— Умница. — Его голос был низким и мягким, и я почему-то на миг предположила, что сделала нечто очень хорошее.

Он повернулся, чтобы уйти, но внезапно передумал и шагнул ко мне вплотную. Сердцебиение сбилось. Наши руки столкнулись, меня словно опалило огнем.

Дыхание Николаса защекотало мою шею.

— Приятно познакомиться, Елена. — Теперь он произнес мое имя так, как и должен был сделать: без всякого подтекста. Мол, он просто вычеркнул меня из списка дел, прежде чем удалиться.

Я не шелохнулась, глядя перед собой и рассеянно отвечая на вопросы родственников.

Итак, таков мой будущий зять. Мужчина, за которого выйдет сестра.

Может, это и делало меня ужасным человеком, но часть вины свалилась с плеч и вылетела за дверь, пока порог дома переступал очередной гость.

Внезапно я обрадовалась, что подобная участь выпала Адриане, а не мне.

Глава вторая

Ничего личного, чистый бизнес.

— *Отто Берманман** —

Елена

Все было даже хуже, чем я предполагала. Адриана занималась тем, что аккуратно сворачивала блузку и укладывала ее в лежащий на кровати чемодан. На ней была футболка оверсайз с изображением мультяшной канарейки Твити и яркие рождественские носки, а по всей комнате валялись рулоны туалетной бумаги.

Несколько лет назад у Адрианы случился бунтарский период, и она обрезала волосы под мальчика. Я никогда не видела мать в таком ужасе. Сестра лишилась кредитки и посещения театрального кружка в учебном заведении для девочек, и каждый день в течение месяца на нее обрушивались полные негодования взгляды. Теперь стрижка превратилась в стильное удлиненное каре, но я навсегда запомнила, что самостоятельно подстричь волосы в этом доме означало смертный приговор.

Темно-синие стены, белая лепнина под потолком, золотые акценты — комнату Адрианы можно показывать в телевизионном шоу... Если бы спальня не выглядела так, как будто в ней стошнило дизайнера костюмов. По стенам развешаны

* Бухгалтер организованной преступности США (1891–1935).

постеры известных постановок вроде «Великого Гэтсби»*. Трюмо завалено причудливым театральным реквизитом: перьями, шляпами и маскарадными масками. Повсюду были вещи, над чьим предназначением можно только ломать голову... как вам, например, гигантская кроличья бутафорская голова на кровати?

Вряд ли папá знал, что платит за весь реквизит школы драматического искусства, которую посещала моя сестра. Но отец вообще не особо интересовался Адрианой. До тех пор, пока она была на своем месте, его все устраивало.

Отец просто ее не понимал, как и Адриана — его.

Я со вздохом достала блузку из чемодана и направилась в гардеробную. Адриана проигнорировала меня, однако мы столкнулись, когда она проходила мимо с кипой джинсов в руках.

— А зачем здесь столько туалетной бумаги? — спросила я, накинув блузу на вешалку.

Адриана шмыгнула носом, но не ответила.

В последний раз я видела ее плачущей на похоронах бабушки, когда Адриане было тринадцать. Сестра оказалась одним из самых безэмоциональных людей, которых я когда-либо встречала. Возможно, ее отталкивал сам факт проявления эмоций на публике.

В животе тугим узлом свернулась тревога, но я знала: к жалости Адриана относилась так же, как к девчачьим мелодрамам. То есть ненавидела.

Я вытащила джинсы из чемодана и вернулась в гардеробную.

— Итак, куда сбегаете? Какие страны?

Она схватила желтое бикини в горошек.

— Куба. Саудовская Аравия. Северная Корея. Выбирай.

* Отсылка к культовому роману американского писателя Фрэнсиса Скотта Фитцджеральда (1896–1940), опубликованного в 1925 году.

Мы продолжили процесс упаковки и распаковки, как живой конвейер.

Я нахмурилась.

— Ты дала мне не такой уж богатый выбор. Но Саудовская Аравия точно отпадает, если ты собираешься носить купальник, — заметила я и убрала бикини в шкаф.

— Ты уже встречалась с ним? — спросила Адриана, кинув на кровать халат с узором под зебру.

Я знала, что она имела в виду будущего мужа и ответила с запинкой:

— Да. Он... э-э-э... очень милый.

— А куда мне запихнуть реквизит? — Сестра уперла руки в бедра и уставилась на небольшой чемодан так, словно только что осознала: он не тянет на сумку Мэри Поппинс.

— Думаю, реквизит должен остаться здесь.

Она поморщилась, будто собиралась заплакать.

— Но я люблю костюмы! — Теперь слезы действительно лились вовсю. — А как же Мистер Кролик? — Адриана взяла гигантскую бутафорскую голлову и подняла ее вровень со своей.

— Не представляю, какие правила на таможне Северной Кореи, но ставлю на то, что Мистера Кролика не пропустят.

— А что насчет Кубы? — жалобно спросила сестра, рухнув на постель.

— Вероятно, там больше шансов.

Она кивнула, дескать, хорошие новости.

— У меня скоро постановка по «Алисе в Стране чудес». — Адриана перестала плакать и вытерла слезы.

— И кого ты играешь? — спросила я. Наверняка не Алису. Сестра не любила все мейнстримное и блондинистое.

— Чеширского Кота. — Она улыбнулась.

— Да, подходит идеально. — Я зашла в гардеробную и нашла черное платье на тонких бретельках, которое Адриана могла бы надеть на любой

официальный прием. Откопать его получилось не сразу: наряд впихнули между костюмами Зельды из видеоигры-фэнтези «Легенда Зельды» и прикида Питера Пэна.

Через полминуты я положила платье на кровать.

— Тебе лучше начать собираться. Почти все пришли.

— Райан меня бросил, — спокойно сказала сестра. Я смягчилась.

— Мне очень жаль, Адриана.

— Он не понимает, с чего я вдруг выхожу замуж, и больше не хочет со мной видиться. Похоже, не так уж сильно он меня и любит, верно, Елена? — Сестра подняла на меня огромные карие глаза.

Я помедлила.

Объяснить Адриане, что такое рациональность и немного сгладить расставание или сразу оторвать «пластырь»?

— Да.

Она кивнула.

— Скоро спущусь.

* * *

Я вернулась на первый этаж и поворачивала за угол в коридоре у библиотеки, когда в меня врезалось нечто плотное и теплое. Из меня вышибло воздух, и я вынужденно попятилась, сообразив, с кем столкнулась.

Руссо.

Тревога нервным огоньком пронеслась по телу. На этот раз мы находились не в холле, где столпились гости, нет, мы оказались совершенно одни. Николас Руссо замер, и я слышала, как колотится сердце в моей груди.

Я сделала еще шаг назад, якобы чтобы восстановить равновесие, хотя на самом деле просто отходила подальше. Наверное, включился инстинкт самосохранения.